

УДК 316.772.2:141.155/.141.2

М. МАК-ЛЮЭН И Ж. БОДРИЙЯР: СОПОСТАВЛЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА И КОПИИ

В.В. Вельганюк

Томский политехнический университет

E-mail: velgvit@gmail.com

Статья направлена на сравнение исторических взглядов двух мыслителей для выявления возможных закономерностей в развитии коммуникативных практик. Рассмотрены взгляды М. Мак-Люэна и Ж. Бодрийяра на понимание процессов воспроизводства, копирования и тиражирования информации, начиная с античных времен и до сегодняшних дней.

Ключевые слова:

Коммуникация, постмодерн, информационное общество, М. Мак-Люэн, Ж. Бодрийяр.

Key words:

Communication, post-modern, information society, M. McLuhan, J. Baudrillard.

Существует немало подходов к осмыслению истории культуры. Нет двух одинаковых взглядов на её процессы, каждый автор рассматривает историю сквозь призму своего видения и понимания её законов. Одним из самых интересных является взгляд на историю М. Мак-Люэна. Относительно эволюции цивилизации он выделил три основных этапа:

- первобытная дописьменная культура с устными формами связи и передачи информации. Основы этой культуры заключались в принципах коллективного образа жизни, мировосприятия и понимания законов природы;
- письменно-печатная культура («галактика Гутенберга»), эпоха дидактизма и национализма, заменившая естественность и коллективизм индивидуализмом, деколлективизацией;
- современный этап «глобальной деревни», возвращающий человека к естественному пространственному восприятию мира через его аудиовизуальное наполнение. Эти процессы протекают на электронной основе, основанной на замещении традиционных локальных способов коммуникации письма и печати на глобальные — радио и телевидение.

Каждый из них является важной вехой развития коммуникации между людьми. Рассматривая человеческий характер, его привычки, ситуативные действия по средствам отдельных коротких исследований, описанные в книге «Галактика Гутенберга», М. Мак-Люэн создает целостную картину человека той эпохи.

Однако исследуя литературу коммуникативистов XX в., можно найти ещё одно очень интересное деление истории культуры у Ж. Бодрийяра. Он рассматривает историю в плоскости собственной теории симулякров, разделив её так же на три основные части, а точнее на три порядка:

- Подделка (имитация) преобладает в «классической» эпохе, от Возрождения (фр. *Renaissance*) до времён промышленной революции.
- Производство, с присущей ей серийностью и функциональными аналогиями, составляет основной тип промышленной революции.

- Симуляция является основным типом нынешней фазы. Гиперреальности (общественное мнение, деньги, мода) являются основными характеристиками постмодерна [2. С. 113].

Что особенно интересно, Ж. Бодрийяр и М. Мак-Люэн берут почти идентичные исторические вехи, смотря на них под разным углом. Исключение составляет лишь то, что М. Мак-Люэн всегда рассматривает более ранние временные отрезки.

Рассмотрим подробнее теорию коммуникации М. Мак-Люэна и выдвинутые им исторические этапы эволюции цивилизации.

До появления письменности картина мира для индивида выглядела абсолютно по другому. Опираясь на статью Дж.К. Каротерса «Культура, психиатрия и письменное слово» М. Мак-Люэн говорит о том, что первобытно-племенной строй был закреплён в своём развитии подавлением умственной жизни и личности. За счёт преобладания чувства коллективного сопричастия «человек рассматривает себя как довольно незначительную частичку гораздо большего организма — семьи, клана, но отнюдь не как независимую, полагающуюся на свои силы единицу» [3. С. 27]. Если сравнить воспитание детей сегодня и при первобытном строе, то мы увидим, что европейский ребёнок в процессе роста и воспитания учится оперировать сложными строительными кубиками, ключами и замками, водопроводным краном и многими другими вещами, в то время как ребёнок дописьменной эпохи получает образование, которое практически исключительно основано на устном слове.

Говоря о разнице понимания звука как такового дописьменным и современным человеком можно заметить, что для первого звуки — это динамические живые образы, события, действия, которые заставляют человека быть всегда настороже. Для второго звуки теряют подобную, отчасти магическую связь, и выступают лишь дополнением к визуальному ряду. Впоследствии, смещение «центра тяжести» со слухового восприятия окружающей действительности на зрительное, дало возможность развития абстрактного мышления и сыграло

огромную роль в развитии науки и техники следующей эпохи.

Фонетическое письмо явилось, возможно, первым фактором на пути воспитания в человеке чувств индивидуальной обособленности. Устное слово не способно дать необходимых умственных и ментальных возможностей для формирования индивидуализма. Современный человек письменного общества хорошо научился отстраняться от чувств и эмоций, которые человек устного общества вряд ли бы смог скрыть. Если обучить грамоте человека из дописьменной эпохи, то можно прочувствовать и увидеть тот разлом, который заставляет его чувствовать одиночество и оторванность от племени. Но в то же время такой человек никогда уже не вернётся к прежней форме мышления и мироощущения. С этой стороны можно аллегорично воспринимать грамоту, как вирус, который попадая в тело (мозг), подвергает его неумолимым и бесповоротным изменениям. В книге «Понимание медиа» М. Мак-Люэн дает расшифровку этого «вируса» глазами дописьменного человека: «только в фонетическом алфавите семантически бессмысленные буквы используются для передачи семантически бессмысленных звуков» [3. С. 94].

Однако, надо сказать, что ни одной другой форме письменности (пиктографическая, идеограмматическая, иероглифическая) кроме фонетической, не удалось вытащить человека из мира слухового восприятия и произвести над ним столь коренную трансформацию. М. Мак-Люэн образно называет этот феномен шизофренией. На его взгляд наиболее явно и показательно он проявился во времена противостояний римской и греческой философии. Именно римляне осуществляли страстное распространение культуры в русле визуальных образов. Греки, а заодно и византийцы напротив, были приверженцами устной культуры, не доверяя прикладному знанию и действию, не разделяя процессы гомогенизации и однотипности, которые оно в себе несёт.

Известный римский философ и политик, блестящий оратор Цицерон в своем труде «Об ораторе. Три трактата об ораторском искусстве» дает краткую историю философии предшествующих ему времен и замечает один очень интересный момент. До Сократа практическое знание было неотделимо от знания, к которому стоит стремиться ради него самого, «красноречие» от «мудрости» [2. С. 36]. Однако, после Сократа все изменилось. Мудрость отделилась от красноречия, а прикладное знание стало изучаться отдельно. Ярким тому подтверждением служит уже тот факт, что Платон, являясь по сути «секретарём» Сократа, смотрел на мир глазами человека алфавитного. Из записей Платона можно выяснить отношение Сократа к письменному умению человека. «Когда же дошел черед до письмен, Тевт сказал: «Эта наука, царь, сделает египтян более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости». Царь же сказал: «Стало быть, ты нашел средство

не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» [4]. Будучи мастером устного слова, Сократ выражал свои опасения относительно распространения письменности, считая её врагом памяти, а соответственно и мудрости человека.

Так письменное слово развивалось и претерпевало изменения вплоть до появления слова печатного. Станок Гутенберга стал настоящей революцией для человечества. Печатный алфавит явился модификацией письменного, и послужил ещё одним способом расширения возможностей человека. Он усилил все те тенденции, которые несли в себе письменная эпоха, дав выход энергии качественно нового уровня. За счет точной повторяемости образов и ещё большего отделения слухового и аудиального восприятия стали возможны такие проявления общественного мнения как национализм, индустриализация, массовые рынки, всеобщая грамотность. Индивидуализация достигла степени отстранённости и непричастности человека к происходящему вокруг него, теперь он мог действовать без особой рефлексии к внешним раздражителям, то есть, ни на что не реагируя.

В первую очередь внедрение печатного алфавита привело к коренным переменам в процессе обучения. Если раньше книги переписывались студентами в ручную, на что тратилось значительная часть их времени, то с появлением печатного алфавита эта надобность отпала, превратив книгу в «преподавательскую машину» [3. С. 197]. Единый текст постепенно формировал общие правила написания и употребления языка. Книгопечатание сформировало основную базу синтаксиса и пунктуации, а так же повлияло на деление поэзии от пения и прозы.

Вся эпоха Возрождения прошла под неустанным развитием книгопечатания и пропитала её духом единообразия и репрезентации. Именно книга дала возможность авторского самовыражения, ведь во времена рукописного текста индивидуальность автора была скрыта за канонами работы с тестом. Это дало толчок к появлению самого феномена «литератора» – грамотного человека, способного, опираясь на «высокий слог», проповедовать высокие моральные качества.

Достигнув широкого распространения, печатная книга позволила познакомиться с культурами других стран. Это привело к смешению языков в разных сферах деятельности. В философии такое смешение языков заметил Р. Декарт. Проанализировав философскую литературу конца XVII в., он пришел к математическим принципам формирования подходов в философии. Стремление к точности и рациональности привело Р. Декарта к делению философии на отдельные науки и направления, со слабой межпредметной связью.

Стремление человека сузить рамки исследуемого привело его к появлению и пониманию новых форм политической организации, обязанностей и свобод (либерализм, капитализм, демократия, социализм и пр.) Так же это дало невиданный толчок в науке, чье поле для исследований становилось все уже и уже. Первое приводило к столкновениям и конфликтам между людьми, второе стремилось к синергии и взаимопониманию.

К электрическому веку человек подошел с великим багажом знаний античных, средних времён, эпохи Возрождения и эмпирическим опытом века механики. Однако с этого момента скорости увеличиваются. Энергия как воплощение и основная движущая сила эпохи электричества становится доступна всё большему количеству людей, «позволяет любому месту быть центром и не требует крупных агрегаций» [3. С. 44]. Начиная с XVII в. человеческий труд старались заменить трудом механическим, а затем в XX в. электричество взяло эту ношу на себя. Акцент работы человека поменялся в сторону интеллектуального труда.

С появлением телевидения происходит надлом. Постепенно главное место среди способов коммуникации с печатной индустрией смещается в сторону визуально-аудиального способа передачи информации. М. Мак-Люэн выделял два основных аспекта телевидения:

1. Телевидение имеет мозаичный принцип построения изображения, когда весь мир представлен непонятным, логически несвязанным набором сообщений. За небольшой промежуток времени можно увидеть информацию, отличающуюся по масштабам, локации и эпохе.
2. Имеет место взаимоусиление этих сообщений за счет преодоления нашим сознанием смысловой раздробленности картинки, в результате чего складывается единство восприятия принимаемой информации.

В своих исследованиях М. Мак-Люэн не раз пытается указать на тенденции развития будущего, порой предвосхищая его. Продолжая исследовать синергическую силу электричества, он делает вывод о том, что за счет телевидения, радио и массовой меди в целом, происходит новый виток расширения человека вовне. Электричество выступает как бы продолжением центральной нервной системы человека, в результате чего образуется «глобальная деревня» где, несмотря на огромные расстояния все взаимосвязано. «Уплотненный силой электричества, земной шар теперь — не больше чем деревня» [3. С. 7].

Предлагаю рассмотреть понятие симулякра, выдвинутое Э. Батаем, и разработанное Ж. Делёзом и Ж. Бодрийяром для того чтобы восстановить историю его развития и сопоставить с этапами становления общества у М. Мак-Люэна.

Как говорилось вначале, Ж. Бодрийяр предложил три порядка симулякров для анализа их присутствия и развития в истории человечества. Однако первый порядок у него предполагает более поз-

дние временные рамки нежели у М. Мак-Люэна, а именно с эпохи Возрождения до промышленной революции. Для того чтобы взглянуть на представление о симулякре в более раннее времена нам необходимо будет обратиться к сути этого понятия и истоков его возникновения.

Вопросы, связанные с термином «симулякр», выдвинутые Ж. Батаем, возникали ещё в античные времена. И главный из них состоял в поиске соответствия образа вещи сущности (*эйдосу*) вещи или ее образцу (*парадигме*). Уже Платон предпринимал попытки связи искусства и подражания, в результате чего он пришел к выводу о том, что подражание имеет два вида: творящее образы и создающее призраки [5. С. 333]. В своём трактате «Софист» говоря о призраках, Платон имеет в виду «фантастические» образы, имеющие лишь подобие предмета [6]. Стоики, рассматривая данный вопрос, различали представление (*phantasia*) и призраки (*phantasma*). Если представление — это след, отпечаток в душе, то фантазма — это то, что кажется нам во время мышления, что кажется нашим мыслям.

Но симулякры проявлялись не только в дискуссиях по поводу софизмов. Согласно Ж. Делезу они лежат у нас под ногами, точнее у нас под рукой — это есть письменность. Он рассматривал отношение между письмом и логосом и обнаружил, что существуют «отец логоса, сам логос и письмо». Письмо является неким симулякром, «ложным претендентом, поскольку именно оно силой и ловкостью намеревается захватить логос или даже вытеснить последний, не проходя через отца» [5. С. 334]. Более того, если «копнуть глубже», то можно обнаружить, пожалуй, самое главное противоречие — противоречие самого человека. С точки зрения теологии человек, по своей сути, тоже является симулякром. Сотворенный по образу и подобию божьему, он воплощал в себе чистую копию. Согрешив, нарушив запрет божий, «человек утратил подобие, но сохранил образ» [5. С. 334]. Отказавшись от нравственного существования в пользу существования эстетического, мы превратились в симуляры.

В период Возрождения, согласно Ж. Бодрийяру, появляется новый вид симулякра — подделка, а вместе с ней и мода. Принадлежащие высшему обществу «обязательные знаки», сменились знаками «эмансипированными», свободными для использования всеми классами. Они просачивались в широкие слои общества через заимствование межклассовых ценностей, знаков престижа. Теперь спрос контролировал распространение классовых знаков. Подобие и обмен, которые пропагандируют подделка и мода, по сути, являются возвращением, о котором Ж. Делез говорил как о симулякре. Он представлял возвращение как соотношение «кругов» и «центра», где центр является оригиналом, а круги его копиями, которые вращаются во времени и лишь частью своей плоскости соприкасаются с оригиналом [5. С. 345]. Говоря известной пословицей: «Все новое, хорошо забытое ста-

рое». Однако в данной поговорке не учитывается сам момент возникновения симулякра, который имеет место быть при наложении кругов друг на друга, то есть копии на копии.

Главным проявлением симулякров в этот период стало распространение такого направления в архитектуре, как барокко. В своей основе оно несло театральные характер и манеру преподнесения. Барокко развивалось за счет зарождавшегося класса буржуазии, которая, унифицировав межклассовые ценности, превратило это направление в независимое течение в искусстве, лишенное «различий по крови, рангу или касте» [1. С. 116]. Бетон, бронза, гранит и гипс явились основным материалом симулякров, а лепнина — формой их воплощения.

Следующей ступенькой в эволюции симулякров стало внедрение серийности производства. С конца XVIII в. симулякры приобретают промышленный характер. Процесс копирования набирает скорость, и уже становится не видно оригинальной референтности исходного предмета. Промышленный симулякр теряет всякий смысл, растворяясь в серийности процесса воспроизводства. Этот период длится сравнительно не долго. И переломной точкой на этот раз становится передача трудовых обязанностей в механические руки. С конца XIX — начала XX вв. производство переходит в руки машин и станков. Машин делают машину, копия копию, получается своего рода конвейер симулякров.

Главенство «мертвого труда» приводит нас к симулякрам третьего порядка. Это время переворота в понятиях смысла и сути копии, которая теперь является не просто серийным подобием оригинала, а изначально задумывается, как многократно воспроизводимая вещь массового потребления. Смысл копии смещается с подражания оригиналу, как это было в симулякрах первого порядка, и серийности данных копий, как это было в симулякрах второго порядка, на копии, изначально замысел которых был заведомо рассчитан исходя из их воспроизводимости. Симулякры третьего порядка — это копии, чьи «формы выводятся из модулей путём модулирования отличий» [1. С. 124]. Показательным примером служит конвейер Г. Форда, где изначально задуманная копия автомобиля собирается на основе планирования симулятивных

действий машины и человека, поминутно расписывающего каждое своё действие с целью экономической выгоды. В течении всей эпохи модерна эта технология оттачивалась на военно-механистическом производстве, охваченной войной Европе, и на бурно растущем рынке продовольствия США.

С рассветом эры электричества эпохи постмодерна в промышленность входят новые технологии и научные разработки, которые ставят процесс копирования и подделывания на новые, более высокие скорости. Главной ценностью в обществе становится информация, фальсификация которой занимает ещё меньше времени, чем подделка материальных ценностей. Это привело к тому, что мы живем в информационном тумане, где основные усилия затрачиваются на фильтрацию информации, поиск оригинала в море симулякров. Визуальное и звуковое восприятие современного человека массовой коммуникации сегодня подвергается воздействию гиперреальности, созданной симулякрами. Перед нами возникает «мир чистых цветов или звуков, отчетливо выписанных деталей, большей четкости, яркости и резкости изображения, когда фотография в журнале выглядит привлекательнее, чем оригинал, звук на пластинке оказывается чище, сочнее, чем при «живом исполнении» [7. С. 163].

М. Мак-Люэн и Ж. Бодрийяр имели схожее ощущение течения истории. В рамках своих философских позиций они опирались на общие временные границы. Сравнивая между собой эволюцию коммуникации и порядки симулякров, можно сказать, что эти процессы были взаимосвязаны и развивались параллельно с процессом развития человека и усложнением его рефлексии. Являясь по своей сути «копией», оторванной от нравственных законов, человек приобретал новые навыки и возможности, все больше отделяясь от группы, индивидуализируясь в принятии решения. Он овладел такими симулякрами, как письменность и печатный алфавит. Познав основной движущий закон симуляции — тиражируемость, основанную на человеческой слабости — желании обладать, он создал спрос, подпитывая его все новыми и новыми копиями. Создав вокруг себя вещественное и информационное поле из симулякров, человек начал терять индивидуальность личности за туманом копий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
2. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. — Киев: Ника-Центр, 2003. — 432 с.
3. Мак-Люэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. — М.: Гиперборей, Кучково поле, 2007. — 464 с.
4. Платон. Федр. Собр. соч.: Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — С. 186.
5. Делёз Ж. Логика смысла. — М.: Раритет, 1998. — 480 с.
6. Платон. Софист. Т. 2. — М.: Мысль, 1970. — 609 с.
7. Сыров В.Н. Массовая культура: мифы и реальность. — М.: Воделей, 2010. — 328 с.

Поступила 16.09.2011 г.